

Н. Н. Баранов
**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК 930(430)“1914/19”

ББК63.1(4Гем)53

Современное состояние германской историографии Великой войны отражает результаты ее непростой эволюции на протяжении последних десятилетий. Выделяются четыре основных этапа — обслуживание прямого политического заказа и борьба против «версальской лжи» как в Веймарской республике, так и при национал-социалистской диктатуре; преобладание традиционной военно-политической проблематики и жанра «большого нарратива» в первые два десятилетия Боннской республики; господство социально-критических исследований в 1970–80-е гг.; тенденция к антропологизации (история «снизу», история повседневности, ментальная история) на материалах фронта и тыла, характерные для сегодняшнего дня.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Германия, историография, история повседневности, история ментальности*

Первая мировая война, которая, собственно, и ознаменовала наступление «короткого» XX века, занимает особое место в национальных вариантах коллективной исторической памяти и в историографических практиках европейских стран. Для бельгийцев, британцев, французов она по сей день остается Великой войной («de Grootte Oorlog», «la Grande Guerre», «the Great War»), отмеченной огромными жертвами, масштабом военных действий, волей к борьбе. В Беларуси, России, Украине Великая Отечественная война и победа в ней, купленная десятками миллионов жизней и неисчислимыми страданиями советского народа, вытеснили из памяти образ Первой мировой. Яркой иллюстрацией этого может служить положение дел с мемориализацией событий 1914–1918 гг. Крупнейшие и наиболее популярные музеи, посвященные Первой мировой войне, были созданы в знаковых местах: французский «Historial de la Grande Guerre» — в Перонне на Сомме, бельгийский «In Flanders Fields» (по названию известной поэмы участника боев канадского офицера Джона Маккрея) — в Ипре. Стоит вспомнить, что британский Имперский военный музей в Лондоне был открыт весной 1917 г. В России создание подобного музея только планируется.

Баранов Николай Николаевич — д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: *Baranov61@mail.ru*

В исторической памяти немцев после 1945 г., казалось, Первая мировая также ушла «в тень». Однако в последние годы в связи с интенсивной историзацией событий и процессов первой половины XX столетия ситуация начинает меняться. В сознании людей обе мировые войны оказываются все сильнее связанными друг с другом и вспоминаются вместе. Все шире распространяется меткое определение «вторая Тридцатилетняя война (1914–1945)»,¹ автором которого считается Шарль де Голль.

Для немецких историков Первая мировая война никогда не утрачивала своей центральной роли в современной германской и европейской истории. Естественно, при обращении к этой теме наблюдались фазы различной интенсивности интереса к ней. Известный исследователь Г. Крумайх даже говорит о циклической смене историографических парадигм, происходящей, как правило, примерно один раз в десятилетие.² Надо заметить, что некоторые из этих парадигм существовали значительно дольше, и даже когда уступали место другим, по-прежнему сохраняли (и продолжают сохранять) свое воздействие.

В Веймарской республике историография Первой мировой войны несла сильнейший

¹ См.: Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. München, 2003. S. XIX, 985.

² См.: Krumeich G. Kriegsgeschichte im Wandel // “Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...” Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. Essen, 1993. S. 11.

отпечаток, и даже служила орудием, острого политического спора по вопросу об ответственности за войну. К порожденной консервативными силами легенде «о предательском ударе ножом в спину» сразу же после войны добавилась легенда о невиновности Германии за развязывание войны, в создании которой участвовали также представители левых и либеральных партий. По мысли веймарских демократов, эта легенда должна была служить средством сплочения разнородных политических и общественных сил молодой республики. Вместе с тем отрицание Версальского мирного договора (в частности, статьи 231, возлагавшей на Германию всю ответственность за мировую войну) оказывало на общество большее воздействие, чем данная легенда — единственное «эмоционально эффективное средство интеграции» (Х. Шульце), которым располагала республика. Борьба против «лжи победителей» в то же время позволяла преодолеть неизбежный разрыв с прошлым и явно способствовала восстановлению политической и «моральной преемственности» (Г.-А. Винклер) между империей эпохи Вильгельма II и Веймарской республикой.³

Отвечавшее потребностям властей республики опровержение «версальской лжи» отодвигало на задний план все другие историографические вопросы. Специально созданному отделу ответственности за войну Министерства иностранных дел прежде всего вменялось в обязанность доказать если не полную, то хотя бы относительную невиновность Германии. При подобной «научной» разработке вопроса университетские историки играли только подчиненную роль. Непосредственными участниками этой кампании были немногие профессионалы, такие как, например, Д. Шефер из Тюбингена и Й. Холлер из Штутгарта. После 1919 г. историки в большинстве своем держались в стороне от текущей политики, но испытывали на себе влияние опыта Первой мировой войны и почти все без исключения стояли на «национальных» позициях. Они отторгали Веймарскую республику как выражение западного государственного мышления и навязанных политических идей, способствуя таким образом формированию идеи об «особом

пути» немецкой истории. Даже убежденный республиканец Ф. Майнеке говорил об «уникальности немецкой проблемы». По многим вопросам продолжался начатый в 1914 г. спор о «культуре и цивилизации». То, что касалось исхода Первой мировой войны, считалось «прошлым, которое не ушло»⁴.

Долгое время — собственно, вплоть до 60-х гг. XX в. — преобладающей оставалась тема непосредственной предыстории войны, а доминирующим — вопрос о ее политических причинах и ответственности. Так как даже самые рьяные сторонники тезиса о невиновности Германии не могли оправдать поведение германского правительства в дни июльского кризиса 1914 г., то историки стремились представить весь период «от Бисмарка до мировой войны» (Э. Бранденбург) в качестве предыстории войны. При этом они пытались доказать, что в век европейского империализма возникла такая расстановка сил, которая сдерживала естественное развитие поздно проснувшейся, но быстро растущей Германии. Согласно преобладающей тогда точке зрения немецких историков, Германия до 1914 г. находилась в состоянии необходимой защиты не только своих интересов, но и самого своего существования.⁵

Созданный на основе военно-исторического отдела большого Генерального штаба в Потсдаме имперский архив разрабатывал с 1925 по 1944 гг. 14-томный обобщающий труд «Мировая война 1914–1918 гг.» вполне в традициях произведений прусского Генерального штаба XIX столетия. Он был призван сохранить «честь немецкой армии» (или ее генералитета), а также прикрывать верховное командование от какой-либо критики со стороны «гражданских». Последние два тома были опубликованы через 11 лет после окончания Второй мировой войны уже западногерманским федеральным архивом, причем без каких-либо новаций. По сути, спасение

³ См.: Heinemann U. Die verdrängte Niederlage. Politische Öffentlichkeit und Kriegsschuldfrage in der Weimarer Republik. Göttingen, 1987; Schulze H. Weimar. Deutschland 1917–1933. Berlin, 1994; Winkler H.-A. Weimar 1918–1933. München, 1993; Versailles 1919. Ziele — Wirkung — Wahrnehmung. Essen, 2001.

⁴ См.: Cornelißen C. Politische Historiker und deutsche Kultur. Die Schriften und Reden von Georg von Below, Hermann Oncken und Gerhard Ritter im Ersten Weltkrieg // Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg. München, 1996. S. 119–142; Gerhard Ritter. Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 2001; Schulin E. Weltkriegserfahrung und Historikerreaktion // Geschichtsdiskurs. Bd. 4: Krisenbewusstsein, Katastrophenerfahrung und Innovation 1880–1945. Frankfurt-a.-M., 1997. S. 165–188.

⁵ См.: Brandenburg E. Von Bismarck zum Weltkrieg. Leipzig, 1939; Krumeich G., Hirschfeld G. Geschichtsschreibung zum Ersten Weltkrieg // Enzyklopädie Erster Weltkrieg. Paderborn, 2004. S. 304–315.

честного имени вермахта в годы Первой мировой войны стало главной задачей всех историков консервативного направления от Э. Маркса в 1920-е гг. до Г. Риттера в 1960-е.⁶

Среди историков имела место определенная робость перед современной историей, которая считалась еще далеко не обеспеченной достаточными источниками. Важную роль также играло убеждение, что война не прекратилась с подписанием Версальского мирного договора. В связи с непрерывными дискуссиями вокруг новых национальных границ в Европе, под впечатлением от борьбы добровольческих корпусов в Прибалтике и в Верхней Силезии, от оккупации Рейнской области и Рурской борьбы, а также от характерной для общества Веймарской республики всеобщей готовности к насилию продолжалась «война в головах» как «война после войны».⁷ В 1920-е гг. широкое распространение получили работы французских и англосаксонских историков и публицистов, выступавших против односторонних обвинений в адрес Германии за развязывание войны. Эти труды получали финансовую поддержку от германских правительственных учреждений, прежде всего от отдела ответственности за войну Министерства иностранных дел.⁸

В первые годы национал-социалистской диктатуры многие немецкие историки изменили постановку вопроса. Вместо «кто ответствен за развязывание войны?» теперь звучало: «Что сорвалось и как мы можем воспрепятствовать повторению похожих ошибок в будущем?» На основе исторических стереотипов и активной мифологизации сражений прошлой войны, таких как Танненберг, Лангемарк и Верден, германская историография готовила общество к будущей вооруженной борьбе⁹. Военные победы над Бельгией и Францией ранним летом 1940 г. праздновались национал-социалистским режимом как

подлинное окончание Первой мировой войны, причем партийно-государственное руководство могло быть уверено в поддержке большинства немцев. Даже либеральные и консервативные противники режима, такие как, например, Ф. Майнеке, встречали эти победы с личным удовлетворением. В начале июля 1940 г. Майнеке писал своему коллеге З. Келеру: «Радость, восхищение и гордость за эту армию прежде всего должны преобладать во мне. И возвращение Страсбурга! Как же не биться сердцу быстрее».¹⁰

Западногерманская историография Первой мировой войны в конце 1940-х и в 1950-х гг. продолжала традицию исторических интерпретаций периода Веймарской республики. Новых исследований не появлялось, они даже не считались необходимыми. Уже первые послевоенные труды двух самых известных немецких историков — Г. Риттера «Демония власти» и Ф. Майнеке «Германская катастрофа» — показали, что их авторы далеки от мысли о новом прочтении проблем Первой мировой войны.¹¹ Эти историки упорно придерживались оценок и суждений прежней национальной историографии. Они не допускали возможности не только критического переосмысления устаревших подходов, но и приобщения к весьма интенсивным зарубежным исследованиям.

Этими особенностями профессионального менталитета объясняется и та ожесточенная реакция историков на объективный, хотя и резкий вывод Ф. Фишера об очевидной ответственности Германии за развязывание войны, который он представил в 1961 г. в своей знаменитой книге «Рывок к мировому господству». Столкновение противоречивых мнений вокруг труда Фишера вылилось в первый, но не последний в немецкой послевоенной истории спор, значение которого вышло далеко за пределы исторического цеха. Публицисты и политики, среди которых были федеральный канцлер Л. Эрхард и министр обороны Ф.-Й. Штраус, а также значительная часть интеллигенции с раздражением, отчасти даже агрессивно отреагировали на утверждение Фишера об ответственности немецких элит за начало войны. Реакция большинства историков, особенно старшего поколения,

⁶ См.: Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002.

⁷ См.: Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918. Essen, 2002.

⁸ См.: Barnes H. E. The Genesis of the World War. New York, 1926; Fay S. B. The Origins of the World War. New York, 1929; Morhardt M. Die wahren Schuldigen. Die Beweise, das Verbrechen des gemeinen Rechts, das diplomatische Verbrechen. Leipzig, 1925; Schmitt B. E. The Coming of the War 1914. New York, 1930.

⁹ См.: Schönwälder K. Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus. Frankfurt-a.-M., 1992; Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft. Frankfurt-a.-M., 1997.

¹⁰ Meinecke F. Ausgewählter Briefwechsel. Stuttgart, 1962. S. 364.

¹¹ См.: Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946; Ritter G. Die Dämonie der Macht. Stuttgart, 1947.

находилась в диапазоне от недоверия и шока до открытой враждебности.¹² Старейшина западногерманских историков Г. Риттер был по-своему искренен, когда в 1962 г. при обсуждении работы Фишера на страницах «Исторического журнала» обвинил того в научной и политической безответственности: «Итак, я не в состоянии выпустить книгу из рук без печали — печали и заботы во взгляде на грядущее поколение».¹³

С полным основанием можно сказать, что исследования Ф. Фишера и последовавшие за ними как в Германии, так и на международном уровне научные дискуссии придали качественно новый импульс развитию современной историографии Первой мировой войны. Сегодня труды Фишера составляют классику историописания и не вызывают острых споров. Серьезный историк теперь едва ли усомнится в значительной ответственности Германской империи за начало войны, но, с другой стороны, тезис Фишера о непрерывной преемственности германских элит («от Вильгельма II до Гитлера») и их военных целей вызывает решительную и обоснованную критику. В свое время работы Фишера и его учеников способствовали преодолению традиционных национально-консервативных представлений о невинности Германии и создавали предпосылки для формирования нового взгляда и на империю, и на Первую мировую войну.¹⁴

Специфика трудов Фишера и споров вокруг них заключалась в том, что сам Фишер работал в рамках классической политической и дипломатической истории. Его построения базировались почти исключительно на правительственных и других официальных источниках. Он сознательно отказывался использовать воспоминания или автобиографии «протагонистов» как первичные источ-

ники. Социально-экономические аспекты в его работах или исключались, или оставались подчиненными политическим решениям. Только постепенно с каждым новым этапом исследований Фишер расширял политико-дипломатический горизонт добавлением социально-экономических факторов, способствовавших войне.

В 1970-е гг. появились новые фундаментальные труды, авторами которых были как ученики и последователи гамбургской школы Ф. Фишера, так и другие историки, которые стали усиленно разрабатывать социально-экономическую проблематику. В центре их внимания находилась организация военной экономики, а также обусловленная войной инфляция, социальные отношения на производстве и, в целом, политические и экономические изменения в немецком обществе, происходившие под влиянием войны. Наиболее значимыми для этого исследовательского периода были работы «Армия, индустрия и труд в Германии 1914–1918» американского историка Г. Д. Фелдмана и «Классовое общество на войне. Немецкая социальная история 1914–1918» Ю. Кокки. Особый резонанс вызвала аргументация Кокки, который выводил причины ноябрьской революции из социальных конфликтов, вызванных непосредственно войной. Его исследование стало удачным примером преобладающей в 1970-е гг. исторической социальной науки с ее некоторой односторонностью в обращении исключительно к социально-экономическим вопросам.¹⁵

С середины 1980-х гг. в связи с начавшимся возвращением индивидуума на историческую сцену и с оформлением в самостоятельное исследовательское направление истории повседневности наблюдается значительное разнообразие в подходах историков к проблематике Первой мировой войны. Странники концепции «истории повседневности» говорили о «радикальном подходе без теоретического и методического переизбытка». Не случайно из-за отказа от определенных теоретических оснований их критики, в том числе представители социально-критической истории Г.-У. Велер и Ю. Кокка, дали им определение «историки босиком», которые эмоциональным подходом заменяют критический

¹² См.: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands 1914/18. Düsseldorf, 1961; Jäger W. Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Die Debatte 1914–1980 über den Ausbruch des Ersten Weltkriegs. Göttingen, 1984; Jarausch K. H. Der nationale Tabubruch. Wissenschaft, Öffentlichkeit und Politik in der Fischer-Kontroverse // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. München, 2003. S. 9–40.

¹³ Ritter G. Eine neue Kriegsschuldthese? Zu Fritz Fischers Buch «Griff nach der Weltmacht» // Historische Zeitschrift. 1962. № 194. S. 646–668.

¹⁴ См.: Mommsen W. J. Der Große Krieg und die Historiker. Neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg. Essen, 2002. S. 8; Böhme H. «Primat» und «Paradigma». Zur Entwicklung einer bundesdeutschen Zeitgeschichtsschreibung am Beispiel des Ersten Weltkriegs // Historikerkontroversen Göttingen, 2000. S. 87–139.

¹⁵ См.: Feldman G. D. Arme, Industrie und Arbeiterschaft in Deutschland 1914–1918. Berlin; Bonn, 1985; Kocka J. Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918. Göttingen, 1973.

анализ.¹⁶ Исследователи Первой мировой войны стали активно обращаться к «истории снизу», но без должной научно-методологической рефлексии. Рост интереса к сюжетам истории повседневности стал результатом глубокой неудовлетворенности молодых историков преобладавшими к тому времени историографическими направлениями — политико-дипломатической историей с ее акцентом на роли военных, политических и экономических элит и исторической социальной наукой, которая занималась экономическими и социальными структурами, причем в абстрактной социальной группе или классе нередко полностью исчезал индивидуум.

При всем уважении к социально-историческим штудиям исследователи истории повседневности и менталитета выдвигали в адрес структурно-функциональной истории основное возражение, заключавшееся в том, что она становится «историей войны без войны».¹⁷ Такая история была не способна подобающим образом разобраться в самом важном объекте истории — человеке, — поскольку пренебрегала центральным аспектом человеческого существования на войне — так называемым «военным переживанием». Историки повседневности, по их собственным словам, прежде всего выступали в защиту рядового солдата. «Война маленького человека» — так назывался сборник, который военный историк В. Ветте опубликовал в 1992 г. как пример «военной истории снизу».¹⁸ Вводное замечание Ветте о том, что традиционная военная история до сих пор недостаточно занималась «маленьким человеком», верно для немецкой историографической ситуации, но не для британской или французской.

По сравнению с Великобританией и Францией интерес немецких историков к «маленькому человеку» был выражен весьма незначительно. Издание немецких источников личного происхождения¹⁹ — писем и дневников периода Первой мировой войны, — предпринятое немецко-американским историком

Х. Хафкесбринк еще в 1948 г., осталось действительно совершенно неизвестным.

Со смещением исследовательских интересов к вопросам истории военной повседневности историки стали усиленно обращать внимание на «военные переживания»: как представители всех слоев населения (не только солдаты на фронте, но и женщины, мужчины и дети в тылу) переживали войну? Порождала ли война новые социальные противоречия или только усугубляла существующие? Какие последствия имело отделение солдат от их семей? Какие социальные роли приходилось играть женщинам в семье и вне ее пределов? Вела ли война, как это часто утверждалось, к ускорению их общественной и политической эмансипации? Какие образы врагов существовали в сознании населения, какие механизмы использовались для создания и «внедрения» этих стереотипов? О каких событиях люди вспоминали после 1918 г., и какое значение имели эти воспоминания в условиях послевоенного общества?

Тот вид «военного переживания», в котором авторы стремились представить опыт как окопной войны, так и тыловой жизни («внутреннего фронта»), имел мало общего с солдатским взглядом, который господствовал в мемуарной литературе националистического толка веймарского времени. Между дневниковыми описаниями Э. Юнгером войны «в стальных грозах», его литературным героем — новым человеком, борющимся на поле сражения, — всем, что выражает его радикальные эстетические и политические взгляды, и эмпирической реконструкцией военной действительности, осуществленной историками повседневности — дистанция огромного размера. Большинство участников войны едва ли готово было отождествить себя с созданным Юнгером образом безрассудно отважных «князей окопов с жесткими, решительными лицами... с острыми кровожадными глазами».²⁰ Героическая интерпретация Юнгера была «идеологическим искажением фактического состояния и еще больше мыслительных диспозиций и мотивов» большинства фронтовиков.²¹

Пропагандируемые в начале войны идеалы индивидуальной смелости и бескорыстного

¹⁶ См.: Wehler H.-U. Neoromantik und Pseudorealismus in der neuen «Alltagsgeschichte» // Preußen ist wieder chic... Politik und Polemik in zwanzig Essays. Frankfurt-a.-M., 1983. S. 99–106; Kocka J. Kritik und Identität // Neue Gesellschaft. 1986. № 10. S. 890–897.

¹⁷ Krumeich G. Op. cit. S. 14.

¹⁸ См.: Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München, Zürich, 1992.

¹⁹ См.: Hafkesbrink H. Unknown Germany. An inner chronicle of the First World War based on letters and diaries. New Haven, 1948.

²⁰ Jünger E. Tagebücher I. Der Erste Weltkrieg. Sämtliche Werke. Bd. 1. Stuttgart, 1978. S. 9.

²¹ Mommsen W. J. Kriegsalltag und Kriegserlebnis im Ersten Weltkrieg // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2000. № 59. S. 135.

служения отечеству быстро становились непригодными. Героическая борьба в условиях позиционной войны превращалась в опыт выживания, страдания от холода, сырости и грязи, паразитов и болезней, в отчаянные попытки избежать артиллерийского обстрела и шрапнели. Перед лицом анонимной массовой гибели смерть одиночки утрачивала значение трагедии. При этом тела погибших часто были изувечены до неузнаваемости. Примечательно, что именно это обстоятельство очень тревожило солдат. «Умирать от пули кажется не тяжело, при этом части нашего существа остаются целыми, однако быть разорванным, разрубленным на куски, превратиться в меси-во — вот страх, которого не может выносить тело», — так описывал обстоятельства смерти на поле сражения немецкий солдат в письме своим домашним.²²

Важным условием развития исследований военной повседневности, менталитета и переживаний людей на войне стало обращение к широкому кругу источников. В научный оборот интенсивно вводились дневники и воспоминания, фронтовые и солдатские газеты, картины и фотографии. Но особую ценность приобрели письма, которые отправлялись в обоих направлениях между фронтом и тылом. Письма полевой почты, тысячи которых находятся в архиве лондонского Имперского военного музея или в Штутгартской библиотеке современной истории, представляют собой исключительный источник для «исследования массовой культуры и тотальной мобилизации в условиях ведения войны индустриальным обществом», по словам А. Раймана, который предпринял показательное сравнение немецкой и британской полевой почты.²³

Привлечение частных писем к реконструкции военных будней необходимо, чтобы услышать голоса тех людей, которые обычно оставались немymi. Поскольку, как правило, у военнослужащих была регулярная возможность использовать так называемый «час для письма», то простые солдаты, крестьяне, рабочие и служащие приучались высказывать свои переживания на бумаге. Естественно, работала военная цензура, но она не оказывала

значительного влияния на манеру и способы выражения мыслей солдатами в их письмах домой.²⁴ Историки, обращающиеся к этому источнику, сталкиваются прежде всего с методическими проблемами. Очевидная неспособность некоторых солдат подбирать точные слова для описания своих переживаний или же намерение авторов писем уберечь свои семьи от ужасов войны часто заставляют исследователей «читать между строк».

Частные письма, наряду с дневниками, фотографиями и фронтовыми газетами, — самые важные источники для нового историографического приближения к истории повседневности Первой мировой войны. Однако этот вид массовых источников ни в коей мере не является совершенно новым. Опубликованная профессором-германистом Ф. Виткопом еще в 1916 г. коллекция «Военные письма погибших студентов» после 1928 г. вызвала большой резонанс как в Германии, так и, благодаря многочисленным переводам, за границей.²⁵

Сохранившиеся дневниковые заметки, письма, почтовые открытки, эскизы и фотографии составляют основу любого исторического исследования мировой войны. Этот корпус источников в силу видовой специфики постоянно провоцирует методологическую рефлексию. Так как свидетельства очевидцев чаще всего появлялись в непосредственной временной близости от развития событий, они не изменялись под влиянием более поздних событий, общественного мнения, индивидуального опыта. Самая значимая новинка — публикация «Военного дневника 1914–1918 гг.» Э. Юнгера, предпринятая его биографом Г. Кизелем.²⁶ Прекрасно комментированный текст, к сожалению, без указателей, представляет собой тот фундамент, на котором были созданы практически все произведения Юнгера 20-х гг. Автор, очевидно, сразу же решил вести дневник как основу для более поздних работ, чем можно объяснить его полноту и богатство деталей. Он описывает свистящий звук пули, цвет кофе, лица перед смертью или солдатские попойки. Читатель получает информацию о сочетании опасности и спокойствия, монотонности,

²² Latzel K. Die mißlungene Flucht vor dem Tod. Töten und Sterben vor und nach 1918 // Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. München, 1999. S. 188.

²³ См.: Reimann A. Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkriegs. Essen, 2000.

²⁴ См.: Ulrich B. Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933. Essen, 1997. S. 78–105.

²⁵ См.: Hettling M., Jeismann M. Der Weltkrieg als Epos. Philipp Witkops «Kriegsbriefe gefallener Studenten» // «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...». S. 205–234.

²⁶ См.: Jünger E. Kriegstagebuch 1914–1918. Stuttgart, 2010.

разнообразия и контрастов на войне во всем — от разрушения ландшафта до распорядка дня в стрелковом окопе. Юнгер был энергичным человеком, непревзойденным воином. Поэтому его записи содержат меньше всего осуждения войны, они скорее свидетельствуют об удовольствии от нее: «Нужно организовать жизнь так безумно и взбалмошно, так весело и опасно, так эксцентрично и разнообразно, как только возможно, тогда от нее получишь наслаждение. За этим всегда приятно щекочущее нервы чувство, что утром в гигантском бою ты будешь “прошит”». ²⁷ Юнгер, по счастью, остался в живых. Его семь ранений неоднократно позволяли ему избегать связанных с большими потерями сражений. Вездесущая смерть побуждала Юнгера беспристрастно описывать окружающее, ликовать от того, что он выжил, и делать смерть центральным топомом своих записей — «ты сегодня, я завтра». ²⁸ Наряду с этим, очевидно стремление Юнгера быть образцовым офицером. Он присвоил себе габитус героя, идеального руководителя и требовал того же от подчиненных, в то же время подавая пример для подражания.

Совершенно иная тональность отличает издание «Красные в сером». ²⁹ Г. Энгель опубликовал подборку фронтовых писем молодых политических активистов левой социал-демократии, которые воспринимали войну как принуждение. Здесь в изобилии встречаются высказывания, содержащие критику и войны, и социальных отношений. Сам составитель считает, что эта подборка может существенно скорректировать те исследования, в которых внимание уделялось преимущественно неполитическим аспектам источников. Вместе с тем становится очевидным, что отобранные и сокращенные письма (каждый их автор представлен коротким биографическим очерком) не могут претендовать на репрезентативность. Они скорее отражают усвоенную в социалистических организациях картину мира, которая и определяла негативное восприятие войны.

К первым двум изданиям примыкает сборник «Последние времена Европы», опубликованный под редакцией П. Вальтера. Он является попыткой создания своего рода

«коллективного» военного дневника из свидетельств интеллектуалов — писателей, ученых, деятелей искусства. ³⁰ Однако все три публикации представляют собой особые случаи, содержат высказывания и оценки, существенно отличающиеся от тех, что встречаются в большей части писем и дневников рядовых участников войны. Они показывают, что применение источников личного происхождения требует особых подходов. Происхождение и состав корпуса источников имеют решающее значение для достижения намеченных исследовательских результатов. Особенно необходимо критический анализ при работе с дневниками Юнгера, которые обладают большой риторической и содержательной силой воздействия.

Особый интерес представляют изданные в 2008 г. дневники К. Роснера и графа Г. Кесслера. ³¹ Оба — дипломированные юристы с ученой степенью, но их военные судьбы сложились принципиально различно. Роснер в 1915–1916 гг. служил пулеметчиком на Западном фронте, в частности под Верденом. Его старший современник Кесслер до 1916 г. был офицером и ординарцем при XXIV резервном корпусе на Восточном фронте и имел информацию о высшем военном руководстве. Текст его дневника содержит полные контрасты описания страны и людей, боев и военного руководства. Авторское видение постоянно переплетается с социокультурным фоном эпохи. Стиль приключенческого романа чередуется с политическим анализом, описаниями поездов, военной апологетики или замечаниями то либерального, то антисемитского толка. Текст Роснера совершенно иной: он наполнен антивоенным пафосом христианского толка и политической критикой. В частности, автор видит в германской «форме государственного правления» причину европейской бойни. ³²

Из обширной военной корреспонденции на сегодняшний день гораздо лучше представлены солдатские письма, которые, как правило, бережно сохранялись родными, снова и снова перечитывались. Тем не менее, в редких случаях письма из дома также сохранились.

²⁷ Ibid. S. 274.

²⁸ Ibid. S. 90.

²⁹ См.: Rote in Feldgrau. Kriegs- und Feldpostbriefe junger linkssozialdemokratischer Soldaten des Ersten Weltkrieges. Berlin, 2008.

³⁰ См.: Endzeit Europa. Ein kollektives Tagebuch deutschsprachiger Schriftsteller, Künstler und Gelehrter im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2008.

³¹ См.: Rosner K. Heilig soll der Grundsatz «Krieg dem Krieg» sein! Die Erinnerungen Karl Rosners an seine Kriegserlebnisse im Jahr 1916. Erfurt, 2008; Kessler H. Das Tagebuch. Fünfter Band 1914–1916. Stuttgart, 2008.

³² См.: Rosner K. Op. cit. S. 137.

Недавно был опубликован подобный комплекс переписки между супругами А. и Л. Треплин под названием, которое является цитатой из письма, — «Однажды, наконец, должна все же вновь наступить настоящая жизнь!».³³ Письма мужа — военного врача на Западном фронте — повествуют о его тяжелой и порой однообразной службе. Жена, которая в тылу была вполне обеспечена, но должна была вести дом с прислугой, контролировать семейный бюджет и воспитывать четверых детей, воспринимала все это в отсутствие мужа как тяжелое бремя. Из переписки становится ясно, что в семье издавна тлел конфликт, который только обострился в связи с вызванным войной расставанием.

Представленные публикации показывают стремление фронтовиков и тех, кто остался дома, преодолеть разделяющую их (не только пространственную) дистанцию и взглянуть на военные будни фронта и тыла. Они не утаивали, что жизнь на войне характеризовалась опасностями и тяготами. Иногда письма содержат впечатляющие описания болезней и недостатка продуктов, борьбы и смерти. Это еще раз подчеркивает, что роль цензуры, как и самоцензуры, в значительной степени преувеличена. Высказанное и невысказанное зависело от личного полагания авторов, условий гражданской или военной среды, конкретного местоположения и типа источников (частный дневник или почтовое отправление). Изданные документы личного происхождения могут сыграть существенную роль в новых научно-исследовательских проектах. В частности, они содержат указания на половые роли, семейные структуры и их изменения. В конечном счете, тексты показывают, что отношение людей к войне — ее поддержка или неприятие — формировалось под воздействием множества обстоятельств,

которые не могут быть сведены к простому принуждению или добровольному согласию.

Вопросы, связанные с историей ментальности, сначала не пользовались популярностью у немецких историков. Первым исследованием о военном менталитете, которое связало традиционную социальную историю и новую историю повседневности с ее «точкой зрения снизу», стала книга Ф. Ульриха «Военные будни» о Гамбурге в годы Первой мировой войны.³⁴ Самый важный вывод автора — утверждение о том, что в городе с началом войны не существовало единого настроения, обусловленного общим возбуждением августа 1914 г. В течение первых военных дней особенно в рабочих пригородах Гамбурга оно было подвержено сильным колебаниям, которые были обусловлены местными обстоятельствами и специфическими социальными условиями. Не могло быть никакой речи о всеобщем подъеме ура-патриотизма и повсеместном военном воодушевлении. Ряд исследований, посвященных сельским или пограничным регионам империи, подтверждают выводы Ульриха. К этому надо добавить работу Б. Цимана о восприятии войны в деревенской Баварии, а также чрезвычайно сжатое исследование К. Гайница об августовских настроениях в университетском городе Фрайбурге. Их заключения подкрепляет живущий в Берлине американский историк Д. Вери, который подчеркивает прямо-таки мифически сильное воздействие «духа 1914-го» на политическую культуру послевоенного времени.³⁵ Исследование региональных моделей, обсуждение общих проблем в обозримом географическом пространстве составляет значительный вклад немецких историков в историографию Первой мировой войны.

Nikolay N. Baranov

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Baranov61@mail.ru

WORLD WAR I IN MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY

Contemporary state of the German Great War historiography reflects the results of its complex evolution during the past decades. Four main stages may be identified — the servicing of direct political order and refuting the so-called “Versailles lies” both in the Weimar Republic and

³³ См.: «Einmal muß doch das wirkliche Leben wieder kommen!»: Die Kriegsbriefe von Anna und Lorenz Treplin 1914–1918. Paderborn, 2010.

³⁴ Ullrich V. *Kriegsalltag. Hamburg im Ersten Weltkrieg*. Köln, 1982.

³⁵ См.: Ziemann B. *Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923*. Essen, 1997; Geinitz C. *Kriegsfurcht und Kampfbereitschaft. Das Augusterlebnis in Freiburg*. Essen, 1998; Verhey J. *The Spirit of 1914. Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge, 2000.

during the national-socialist dictatorship period; domination of the traditional military and political focus and the “great narrative” genre during the first two decades of the Bonn Republic; prevalence of social critique studies during the 1970–80s; and the trend towards anthropogenization (history from “below”, history of every day life, mental history) based on the study of the frontline and the rear materials characteristic for the present day research.

Key words: *First World War, Germany, historiography, history of everyday life, history of mentality*

REFERENCES

- Barnes H. E. *The Genesis of the World War*. New York: Knopf, 1926, 750 p. (in English).
- Bohme H. *Historikerkontroversen* (Historian controversy). Göttingen: Wallstein, 2000, pp. 87–139. (in German).
- Brandenburg E. *Von Bismarck zum Weltkrieg* [From Bismarck to the World War]. Leipzig: Insel, 1939, 649 p. (in German).
- Cornelissen C. *Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg* (Culture and war. The role of intellectuals, artists and writers in the First World War). München: Oldenbourg, 1996, pp. 119–142. (in German).
- Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten* [The war of the little man. A military history from below]. München; Zürich: Piper, 1992, 461 p. (in German).
- Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918* [The lost peace. Politics and war culture after 1918]. Essen: Klartext, 2002, 300 p. (in German).
- “Einmal muß doch das wirkliche Leben wieder kommen!”: Die Kriegsbriefe von Anna und Lorenz Treplin 1914–1918* [“Once must surely come to real life again!”: The War letters of Anna and Lawrence Treplin 1914–1918]. Paderborn: Schöningh, 2010, 712 p. (in German).
- Endzeit Europa. Ein kollektives Tagebuch deutschsprachiger Schriftsteller, Künstler und Gelehrter im Ersten Weltkrieg* [End Times Europe. A collective diary of German writers, artists and scholars in the First World War]. Göttingen: Wallstein, 2008, 431 p. (in German).
- Fay S. B. *The Origins of the World War*. New York: Macmillan, 1929, 551 p. (in English).
- Feldman G. D. *Armee, industrie und arbeiterschaft in Deutschland 1914–1918* [Army, industry and workers in Germany from 1914 to 1918]. Berlin; Bonn: Dietz, 1985, 445 p. (in German).
- Fischer F. *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands 1914/18* [Bid for world power. The war aims of imperial Germany 1914/18]. Düsseldorf: Droste, 1961, 896 p. (in German).
- Geinitz C. *Kriegsfurcht und Kampfbereitschaft. Das Augusterlebnis in Freiburg* [Fear of war and combat readiness. The August experience in Freiburg]. Essen: Klartext, 1998, 466 p. (in German).
- Gerhard Ritter. *Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert* [Gerhard Ritter. History and politics in the 20th century]. Düsseldorf: Droste Verlag, 2001, 767 p. (in German).
- Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft* [Historiography to legitimize science]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997, 320 p. (in German).
- Hafkesbrink H. *Unknown Germany. An inner chronicle of the First World War based on letters and diaries*. New Haven: Yale University Press, 1948, 164 p. (in English).
- Heinemann U. *Die verdrängte Niederlage. Politische Öffentlichkeit und Kriegsschuldfrage in der Weimarer Republik* [The displaced defeat. Political and public war guilt question in the Weimar Republic]. Göttingen: Vandenhoeck& Ruprecht, 1987, 362 p. (in German).
- Hettling M., Jeismann M. *Der Weltkrieg als Epos. Philipp Witkops «Kriegsbriefe gefallener Studenten» / «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch ...»*. [“No one feels this more than a man...” experience and effect of the First World War]. Essen. Klartext, 1993. S. 205–234. (in German).
- Jäger W. *Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Die Debatte 1914–1980 über den Ausbruch des Ersten Weltkriegs* [Historical research and political culture in Germany. The debate over the 1914–1980 outbreak of the First World War]. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1984, 322 p. (in German).
- Jarausch K. H. *Zeitgeschichte als Streitgeschichte* (Time history as armed history). München: Beck, 2003, pp. 9–40. (in German).
- Jünger E. *Kriegstagebuch 1914–1918* [War Diary 1914–1918]. Stuttgart: Klett-Cotta, 2010, 654 p. (in German).
- Jünger E. *Tagebücher I. Der Erste Weltkrieg. Sämtliche Werke* [Diaries I. The First World War. Complete works]. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978, Vol. 1, 545 p. (in German).
- Kessler H. *Das Tagebuch. Fünfter Band 1914–1916* [The diary. Fifth band 1914–1916]. Stuttgart: Cotta, 2008, 820 p. (in German).
- Kocka J. *Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918* [Class society at war. German social history 1914–1918]. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1973, 230 p. (in German).

- Kocka J. *Neue Gesellschaft* (New Company), 1986, № 10, pp. 890–897. (in German).
- Krumeich G. *Kriegsgeschichte im Wandel / «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch ...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs*. Hrsg. v. G. Hirschfeld, I. Renz. [“No one feels this more than a man...” experience and effect of the First World War]. Essen: Klartext, 1993. S. 11–24. (in German).
- Krumeich G., Hirschfeld G. *Enzyklopädie Erster Weltkrieg* [Encyclopedia World War I]. Paderborn: Schöningh, 2004, pp. 304–315. (in German).
- Latzel K. *Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung* [End of the war in 1918. Event, effect, aftereffect]. München: Oldenbourg, 1999, pp. 183–200. (in German).
- Meinecke F. *Ausgewählter Briefwechsel* [Selected correspondence]. Stuttgart: Koehler, 1962, 664 p. (in German).
- Meinecke F. *Die deutsche Katastrophe* [The German catastrophe]. Wiesbaden: Eberhard-Brockhaus, 1946, 181 p. (in German).
- Mommsen W. J. *Der Große Krieg und die Historiker. Neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg* [The Great War and the historians. New ways of historiography of the First World War]. Essen: Klartext, 2002, 40 p. (in German).
- Mommsen W. J. *Militärgeschichtliche Zeitschrift* (Military History Magazine). 2000, № 59, pp. 125–138. (in German).
- Morhardt M. *Die wahren Schuldigen. Die Beweise, das Verbrechen des gemeinen Rechts, das diplomatische Verbrechen* [The real culprits. The evidence, the crime of common law, the diplomatic crime]. Leipzig: Quelle & Meyer, 1925, 317 p. (in German).
- Pöhlmann M. *Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956* [War history and politics of history: The First World War. The official German military history 1914–1956]. Paderborn: Schöningh, 2002, 423 p. (in German).
- Reimann A. *Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkriegs* [The big war of languages. Studies on historical semantics in Germany and England during the First World War]. Essen: Klartext, 2000, 311 p. (in German).
- Ritter G. *Die Dämonie der Macht* [Demonic power]. Stuttgart: Hannsman, 1947, 256 p. (in German).
- Ritter G. *Historische Zeitschrift* (Historical Journal), 1962, № 194, pp. 646–668. (in German).
- Rosner K. *Heilig soll der Grundsatz “Krieg dem Krieg“ sein! Die Erinnerungen Karl Rosners an seine Kriegserlebnisse im Jahr 1916* [Christmas, the principle should be “war-war“! The memories Karl Rosner on his war experiences in 1916]. Erfurt: Sutton, 2008, 157 p. (in German).
- Rote in Feldgrau. Kriegs- und Feldpostbriefe junger linkssozialdemokratischer Soldaten des Ersten Weltkrieges* [Red in field gray. War and letters from the young left social democratic soldiers of the First World War]. Berlin: Trafo, 2008, 265 p. (in German).
- Schmitt B. E. *The Coming of the War 1914*. New York: Scribners, 1930, 539 p. (in English).
- Schönwälder K. *Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus* [Historians and politics. History in National Socialism]. Frankfurt am Main: Campus, 1992, 440 p. (in German).
- Schulin E. *Geschichtsdiskurs* (Historical discourse). Frankfurt am Main: Fischer, 1997, Vol. 4, pp. 165–188. (in German).
- Schulze H. *Weimar. Deutschland 1917–1933* [Weimar. Germany 1917–1933]. Berlin: Siedler, 1994, 462 p. (in German).
- Ullrich V. *Kriegsalltag. Hamburg im Ersten Weltkrieg* [War everyday. Hamburg in World War I]. Köln: Prometh, 1982, 175 p. (in German).
- Ulrich B. *Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933* [The eyewitnesses. German Feldpost letters in war and post-war period 1914–1933]. Essen: Klartext, 1997, 343 p. (in German).
- Verhey J. *The Spirit of 1914. Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge: University Press, 2000, 268 p. (in English).
- Wehler H.-U. *Deutsche Gesellschaftsgeschichte* (German Social History). München: Beck, 2003, Vol. 4, 1173 p. (in German).
- Wehler H.-U. *Preußen ist wieder chic... Politik und Polemik in zwanzig Essays* [Prussia is again chic... Politics and polemics in twenty essays]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983, pp. 99–106. (in German).
- Winkler H.-A. *Weimar 1918–1933. München, 1993; Versailles 1919. Ziele – Wirkung – Wahrnehmung* [Weimar 1918–1933. Munich, 1993, Versailles, 1919. Goals – Effect – Perception]. Essen: Klartext, 2001, 390 p. (in German).
- Ziemann B. *Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923* [Front and home. Rural wartime experiences in Southern Bavaria 1914–1923]. Essen: Klartext, 1997, 510 p. (in German).